

Чеховский Иркутск

Вечером 4 июня 1890 года на берегу Ангары, напротив Московских ворот, стоял тарантас с тремя путниками. Сильный ветер взволновал Ангару, и плашкоут всё никак не мог пристать к берегу.

Путники – трое военных и один штатский – грязные, измученные дорогой, только что не молились о том, чтобы паром причалил к берегу. Но он всё не приставал. Но вот произошло чудо – и путешественники смогли въехать в город через Московские ворота. Одним из них был тридцатилетний писатель Антон Чехов, который направлялся на Сахалин, – он и был хозяином тарантаса. Его пассажирами были военный доктор, чья фамилия канула в Лету, и два поручика – Меллер и фон Шмидт, также направлявшиеся на Дальний Восток.

Перекрёсток улиц Карла Маркса и Фурье, 1984 год. Спустя несколько лет город таинственным образом утратит мемориальную доску

Подъезжавшие к Иркутску путники выглядели изрядно уставшими и обносившимися. Дорога была дальняя, 1566 вёрст (1671 километр) от Красноярска чеховская повозка ехала больше недели. Собственное транспортное средство, приобретённое в Томске, позволяло передвигаться быстрее, чем на перекладных. Но всё равно лошади не могли везти более 200 вёрст в сутки. Путь писателя проходил по бескрайней тайге, в летней духоте, пыли и дыму пожарищ. Сейчас этот путь стал прямее (всего 1100 километров), на перекладных дорога занимает чуть более суток, а на своём «тарантасе» – часов 12. За 120 лет великий путь на восток не стал комфортнее и безопаснее. Автору этих строк довелось путешествовать автостопом из Красноярска в Иркутск в начале июля 2009 года. Всё та же тайга, «ни один ямщик не знает, где она кончается», гравий и щебёнка с проплешинами асфальта, пыль, от которой почему-то не спасают даже закрытые окна авто, те же забытые богом деревни и станции. Даже зловецкие придорожные знаки сохранились: в 19 веке по обочинам Иркутского тракта ставили кресты – в местах, где разбойники убивали путников. Чехову повезло не встретить лихих людей. В письмах он успокаивает родственников, что путь безопасен, даже револьвер не понадобился. Сейчас вдоль дороги так же стоят могилки – по лихачам. Об опасности пути напоминают и раскуроченные, стёртые почти до основания камеры автопокрышек по обочинам.

Первым делом – в баню!

Чехов весьма мельком описал Иркутск в письмах друзьям, коллегам и родным. Поэтому и путеводитель, и календарь встреч писателя всегда будет с налётом мистификации. Из городских объектов он упоминает только бани, сад «с музыкой», музей, гостиницы, театр, банк и кондитерскую. Первым делом измотанные путешественники направились... в баню. Принято считать, что Чехов и его спутники были в Курбатовских банях – самых комфортных банях города (угол нынешних Гаврилова и Цэсовской набережной, разрушены). Фон Шмидт так описывает их посещение Курбатова: «Вместо предполагавшейся дымной лачуги... попали в залитый электрическим светом дворец с мраморными ваннами и особой комнатой для ожидающих с мягкой мебелью, коврами, журналами и газетами».

Вот только электрическая станция была построена в Иркутске только в 1909 году, а мраморные полы и все доступные чудеса тогдашнего комфорта, которыми действительно славились бани Курбатова и Русанова, появились гораздо позже. Да и нынешнее имя они вряд ли носили. С 1886 года этот участок, и построенные

тогда же бани на нём, принадлежал городскому главе Сукачёву, и только в 1890 году он был сдан в аренду мещанам-откупщикам. Впрочем, добротное европейское мировоззрение Владимира Платоновича вполне могло подвигнуть его на устройство общегородской бани по последней моде. Но при всём том это могла быть любая приличная баня Иркутска. Можно представить, как радовался чистюля Чехов! Старшему коллеге, поэту Александру Плещееву, он напишет из Иркутска: «Когда по приезде в Иркутск я мылся в бане, то с головы моей текла мыльная пена не белого, а пепельно-гнедого цвета, точно я лошадь мыл».

Гостиница, в которой остановились путники, «Амурское подворье» (ул. Фурье, 1в) не отличалась роскошью. Куда престижнее были гостиницы «Россия» и «Централь», которые располагались на центральном городском перекрёстке (угол нынешних Карла Маркса и Ленина), «Московское подворье» на Мелочном базаре (ныне площадь Труда). Но, во-первых, Чехов умел считать деньги, а во-вторых, его спутники транжирили направо и налево – настолько, что Чехов им занимал деньги. Не исключено, что и номер в гостинице оплачивал писатель. Правда, путешествие в компании трёх мотов-офицеров имело и свою приятную сторону. Чехов писал родным, что они «занимаются тем, что распекают всех в гостиницах и на станциях, так что с них страшно деньги брать. Около них и я плачу меньше, чем обыкновенно». В советские годы здание «Амурского подворья» заселили коммуналками, в начале 90-х началась реставрация, которая не закончена до сих пор. Когда-то Владимир Гайдук предлагал устроить в нём литературный музей с экспозицией по Чехову и даже сумел убедить горсовет признать здание к тому пригодным. Нынешний хозяин здания предпочитает строить магазины.

Сад с музыкой – разумеется, Интендантский сад. Он спускался к Ушаковке от улицы Шелашниковской (Октябрьской революции) и ныне существует лишь в нескольких деревьях на территории бывшего завода Куйбышева. А во времена Чехова здесь играл оркестр, были разбиты тенистые аллеи, выкопаны пруды. Беседка в этом саду неоднократно издавалась на открытках. Банк – Сибирский торговый банк, крупное финансовое учреждение. Его контора располагалась на Большой улице (Карла Маркса) в двухэтажном каменном здании с большими окнами. Ныне в банке – отдел сибирского искусства художественного музея.

Здание театра, который посещал Чехов, можно увидеть лишь на старых открытках, потому что вскоре после его отъезда оно сгорело

Очевидно, что он побывал на рынке, иначе откуда ему знать, сколько стоит фунт кедровых орехов (6 коп. за фунт), – такие факты в газетах не прочтёшь. Музей – разумеется, здание ВСОРГО (угол Карла Маркса и бульвара Гагарина) и ныне занимаемое краеведческим музеем. Театр на 600 человек располагался в деревянном здании, сгоревшем той же осенью 1890 года. К слову, иркутский театральный мир имел представление о Чехове. Показательна заметка в «Восточном обозрении», в которой зафиксирована чеховская неделя в Иркутске. В ней писатель рекомендован как «молодой русский беллетрист, известный городской публике как автор остроумных водевилей и драмы «Иванов», дававшейся в минувший сезон на сцене городского театра». Спектакль, к слову, провалился. Прочие страницы путеводителя мы можем только фантазировать. Из знакомых иркутянам каменных зданий он мог обратить внимание на Белый дом, десятки церквей, католический костёл, кирху и синагогу, мог видеть в лесах здание общественного собрания (в нём теперь филиал ТюЗа и филармония), видел будущий сквер Кирова, разделённый на две площади. Из иркутской экзотики Чехов вспоминал сибирского кота, «шерсть длинная, мягкая, нрав кроткий», и вкус кваса и маринованной черёмухи: «Черёмуха заменяет здесь и сирень, и вишню; говорят, что из черёмухи отличное варенье». В Иркутске же Чехов продал свой тарантас и поехал далее на перекладных. Имя покупателя история не сохранила.

Некоторые адреса сейчас установить крайне сложно. Так, доподлинно не известно, где находился трактир «Таганрог» и «адски дорогая» кондитерская! Не известно, где именно путешественники пытались попасть в переделку криминального характера: «Вчера ночью совершал с офицерами экскурсию по городу. Слышал, как кто-то шесть раз протяжно крикнул «караул». Должно быть, душили кого-нибудь. Поехали искать, но никого не нашли».

Мифы и легенды... о Чехове

Чего только не нафантазировали иркутяне о пребывании писателя в Иркутске! Одна иркутская газета лет пять назад дала экскурсию по чеховским местам, среди экспонатов был назван публичный дом и адрес назывался – гостиница «Метрополь» – кружевной дом на Марата, 70а, построен в 1901 году. По мнению некоторых биографов, Чехов не был чужд таких заведений. Но в письмах из Сибири есть эпизод, который проливает свет на отношение писателя к продажной любви. В Томске к нему пришёл с визитом полицмейстер, который оказался к тому же литератором. Он прочёл рассказ, попросил водки, рассказал о своей жизни и предложил посмотреть томские дома терпимости. После экскурсии Чехов напишет: «Вернувшись из домов терпимости. Противно. Два часа ночи». К мифотворчеству активно подключилось иркутское общество. В 1944 году отделение Союза писателей СССР и редакция газеты «Восточно-Сибирская правда» увековечили пребывание Чехова в Иркутске на памятной доске и повесили её на видном месте – на углу улиц Фурье и Карла Маркса (не позднее 1978 года чугунную доску либо «одели» в мраморную плиту, либо вовсе заменили. – Авт.). А дом, где на самом деле находилась искомая гостиница, так и остался во дворе. Когда иркутский исследователь творчества Чехова Владимир Гайдук спросил у одного из «застрельщиков» проекта писателя Гавриила Кунгурова, отчего табличка была повешена «не там», тот только пожал плечами:

– На «Амурском подворье» эту доску никто, кроме жильцов, не увидит, а на здании, которое выходит фасадом на нынешнюю улицу Карла Маркса, её может заметить каждый иркутянин.

«Такое решение, видимо, удовлетворяло общественное честолюбие горожан и желание тогдашних властей», – резюмировал исследователь. По иронии судьбы, именем писателя названа улица рядом, но также не имеющая отношения к адресу писателя. Наконец, главный иркутский миф – будто бы Чехов похвалил Иркутск и иркутян, написав семье, что «Иркутск – город интеллигентный... Совсем Европа!». Иркутяне усекли длинную цитату и до сих пор находят в ней повод для гордости. А интеллигентность, столь приятно поразившая писателя, заключалась не в людях, а в благоустроенности города, мощёных улицах, по которым курсировали рессорные пролётки, деревянных тротуарах, в отсутствии «уродливых заборов, нелепых вывесок и пустырей с надписями о том, что нельзя останавливаться». Вот и думай теперь, что нужнее городу – духовность или хорошая баня и гостиница с чистыми простынями?! Классик русской литературы выбирал второе. Пустырей, правда, было немало. Город довольно долго восстанавливался после пожара 1879 года. Но стремление иркутян жить современно, по-европейски не могло не импонировать писателю, который был крайне современным и продвинутым для того времени человеком. Не иначе как под влиянием усечённой цитаты замечательный исследователь сибирской журналистики описал трогательную встречу в редакции газеты «Восточное обозрение». Миф прижился, и вот в Иркутске появился новый чеховский адрес: Спасо-Лютеранская, дом Попова (Сурикова, 11–13). Именно здесь, в редакции «Восточного обозрения», якобы произошла встреча молодого литератора с интеллектуалами, выпускавшими крупную региональную независимую газету, которую и сейчас приятно взять в руки. Увы, приходится усомниться в этой прекрасной легенде. Во-первых, редактора Ивана Попова в ту неделю в городе не было. Выпускал газету сотрудник Ошурков. Во-вторых, очень странно, что Чехов не оставил заметки об этой встрече хотя бы в письме Суворину – редактору и знаменитому газетчику. Читая письма, убеждаешься, что у Чехова было острое перо на приятные и особенно неприятные встречи. Назвал же в письме он редактора томского «Сибирского вестника» Картамышева, с которым действительно встречался, «местным Ноздрёвым, пьяницей и забулдыгой», и история с томским полицмейстером-литератором Аршауловым живописуется в красках. А об иркутских интеллектуалах – ни слова. Только о девушках, которые холодны «как рыбы», китайцах («добродушный и неглупый народ... некоторые имеют потрясающие косы») да добродушных служащих Сибирского торгового банка, которые «угощали папиросами и пригласили на дачу». Что характерно, и в мемуарах Попова о встрече с Чеховым информации нет. Ничего удивительного: тридцатилетний Чехов в Сибири практически неизвестен. Авторитетный специалист по творчеству Чехова Анатолий Собенников приводит данные обращений иркутян в публичную библиотеку спустя год после посещения писателем города. В 1891 году книгу Чехова читатели затребовали всего 60 раз. Для сравнения: на произведения Льва Толстого поступило 424 требования, Достоевского спрашивали 314 раз, Писемского – 255, а Мельникова-Печерского – 251 раз. Как вид-но, прозаик Чехов был аутсайдером читательских предпочтений иркутян. Он – только будущий классик. Если при всём этом всё же предположить, что Чехов встречался с редакцией «Восточного обозрения», то и адрес придётся подкорректировать. В июне 1890 года редакция находилась на углу Харлампиевской (Горького) и Троицкой (5-й Армии). Здание не сохранилось.

Правда, ниже тот же исследователь приводит отрывок из воспоминания фон Шмидта – и это антимиф об иркутской интеллигенции: «Однажды у Антона Павловича собрались человек двадцать местной интеллигенции. Тут были и молодые люди, и почтенные старцы. Все они жаловались на скуку и бессодержательность местной жизни и вздыхали по Москве и Петербургу. Всегда спокойный и корректный

Чехов на этот раз не выдержал:

– Я не понимаю вас, господа, – сказал он. – У вас такая ширь, такое приволье, такое изобилие благ, что если бы вы проявили хоть чуточку энергии и самостоятельность, то могли бы создать земной рай.

– Научите, с чего начать, – язвительно спросил какой-то господин в очках.

– Да хотя бы с создания общества борьбы со скукою...».

Неизвестно, было ли так на самом деле, но ответ очень «чеховский». Мне кажется, что эту именно историю стоит повторять иркутянам, и почаще, а не самоуспокоительные инвективы о городе «высокой культуры». Прекрасные городские легенды о посещении великим писателем Иркутска настолько ублажали общество, что оно и не заметило, как потеряло памятную доску – ту самую, что висела «не там».

По паспорту здания, во всяком случае, так. Здание на углу улиц Карла Маркса и Фурье стали реставрировать в конце 90-х. В 2002 году в него въехало управление казначейства. Ни «новые» хозяева здания, ни предприятие, красившее фасад, ни сотрудники Центра по сохранению наследия не могут припомнить, куда исчезла доска. Могу предположить, что она сгнула в приёме чёрных металлов, поскольку отлита была из чугуна. При всей нелепости памятного знака его потеря ощутима с общекультурной точки зрения. Его автором был Лазарь Дубиновский – выдающийся молдавский скульптор, прошедший обучение в Бухаресте и Париже. В Иркутске он проходил реабилитацию после тяжёлого ранения, а после войны вернулся на родину, где вскоре и прогремел. Получается, что в топке печи погибла не только память о Чехове, но и работа большого художника.

Автор: Александр Верхозин © "Конкурент" приложение к ВСП ИСТОРИЯ, ИРКУТСК 👁 5093 09.08.2009, 09:24
🔗 313

URL: <https://babr24.com/?ADE=80089> Bytes: 14817 / 14520 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Александр
Верхозин.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)